

УДК 94(73)

DOI <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.27.37>

США после Второй мировой войны: упущенные возможности или пределы демократии?

А. В. Шалак

Байкальский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Определяются основные причины, обусловившие смену политического курса в США. К ним отнесены реакция американской элиты на конверсию, ограничение американского рынка сбыта, монополия на обладание ядерным оружием, формирование военного лобби, состояние общественного сознания, сформированного военным временем. Точкой бифуркации этих процессов явилась смерть Рузвельта. По мнению автора, в послевоенный период американская элита не отходила от избранного в годы президентства Трумэна курса. В настоящее время свои внутренние проблемы США будут решать за счет перепроектирования капиталистической системы с целью сохранения доминирующего положения и минимизации ущерба для себя. Послевоенная эволюция политического курса США свидетельствует о разрыве с республиканской традицией и демонстрирует пределы демократии на пути выхода из данного исторического тупика.

Ключевые слова: США, конфликт, политическая трансформация, политическая элита.

Для цитирования: Шалак А. В. США после Второй мировой войны: упущенные возможности или пределы демократии? // Известия Иркутского государственного университета. Серия Политология. Религиоведение. 2019. Т. 27. С. 37–47. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.27.37>

История альтернативна, и это, несомненно, имеет отношение к истории внешней политики. Хотя вопрос о разнообразии альтернатив не так уж и прост. Как отмечал Алекс Бэтлер, «...непредсказуемое направление – утверждение неверное хотя бы уже потому, что у исторического развития человечества не так уж много альтернатив.... Их несложно вычислить из тенденций, которые обозначились...» [1, с. 212]. При этом исследование исторических развилок свидетельствует, что побеждающая альтернатива далеко не всегда является оптимальным вариантом, но часто именно она определяет парадигму развития на многие десятилетия.

После прихода нацистов к власти несложно было просчитать последствия для Европы в случае реализации их стратегии. Но все закончилось самой кровавой войной.

По-другому могла развиваться ситуация в мире и после Второй мировой войны. Но вместо ответственной внешней политики, совместного решения глобальных проблем, конвергенции в области справедливого распределения ресурсов мир пошел по пути наращивания гонки вооружений. О причинах подобного положения много писали советские обществоведы и специалисты в области международных отношений. После распада СССР по

этим вопросам стали высказываться более туманно и неопределенно. Однако современный характер международных связей и состояние российско-американских отношений, да и в целом международных отношений, заставляют высказываться по данной проблеме все более определенно не только российских экспертов, но и противоположную сторону.

В вышедшей в 2015 г. объемной работе О. Стоуна и П. Кузника «Нерассказанная история США» на широкой документальной основе исследуется процесс выбора приоритетов в политике американского государства [10]. Особенно интересна точка зрения авторов по проблеме геополитического переустройства мира, вопросам качества политической элиты американского общества, технологии ее формирования. В ряде случаев оценки американских исследователей являются более жесткими даже в сравнении с «советской пропагандой».

Расхожим штампом западной историографии стало утверждение о стремлении СССР к мировому господству, распространению «марксистско-ленинской доктрины» на весь мир и о том, что именно это повлекло гонку вооружений, политику сдерживания СССР, создание США различных стратегических блоков. Однако О. Стоун и П. Кузник, опираясь на факты и документы, весьма убедительно свидетельствуют, что фундаментальные причины американской агрессивной политики лежат в иной плоскости. Зарождение их основ началось в годы Первой мировой войны, но окончательно оформились силы, ставшие определять основные векторы политики США, по итогам Второй мировой войны.

Войны удивительным образом способствовали наращиванию мощи США. После окончания Второй мировой войны на США приходилось 50 % объема товаров и услуг, две трети мирового запаса золота и три четверти инвестиций. Экономическая мощь страны складывалась за счет бюджетных ассигнований на производство военной продукции, а также, по сути, неограниченного допуска американской продукции на рынки других стран.

После войны перед американским высшим классом встали две проблемы. Конверсия означала отказ от прекращения ассигнований на войну для большого количества американских корпораций, получавших огромные средства от государства. Одновременно с этим зримо возникла проблема ограничения американского рынка сбыта. Восстанавливаемая экономика европейских государств и СССР ограничивала бесконтрольную монополию США на ввоз любых товаров. Более того, ничто не мешало европейским странам в целях стимулирования роста национальной промышленности закрыть свои рынки для американских товаров. С Великобританией США сумели быстро договориться: простили ей долги по ленд-лизу, и та открыла им свои рынки. Однако получить доступ на огромный рынок СССР и контролируемых им стран оказалось делом непростым.

В сентябре 1945 г. в Лондоне на встрече министров иностранных дел США, используя атомную монополию, попробовали надавить на СССР. Однако из этого, как известно, ничего не получилось.

Свои послевоенные проблемы США могли решать различными путями. Однако сложился тот вариант, который и в настоящее время определяет приоритеты внешней политики США. Американским корпорациям, связанным с созданием вооружений и не заинтересованным в конверсии, нужен был враг, наличие которого оправдывало бюджетные ассигнования на производство все новых видов оружия. По итогам Второй мировой войны сложилось мощнейшее политическое лобби, представлявшее интересы корпораций и министерства обороны, ставших единым целым. Политики, лоббирующие интересы этих компаний, отставные генералы и адмиралы охотно принимались на службу в корпорации, связанные с производством оружия. Эта сила ломала всех, кто вставал на ее пути. Без образа врага надежды на получение новых ассигнований из бюджета становились призрачными. На протяжении всего послевоенного периода вплоть до настоящих дней силы, заинтересованные в получении прибыли на производстве оружия, действуют синхронно и слаженно.

Применительно к современной действительности ситуация усугубляется интересами глобальных финансовых спекулянтов, которые также заинтересованы в сохранении той системы, которая позволяет им за напечатанные доллары, переведенные в долговые казначейские облигации США, получать ресурсы. Сохранять данную систему можно, только опираясь на силу. Любые попытки выйти за пределы влияния доллара жестко пресекаются. Поэтому глобальные финансовые спекулянты заинтересованы в сохранении военнотехнического доминирования одной страны, и в этом плане их интересы совпадают с военным лобби, хотя по тактическим вопросам они могут и конфликтовать, о чем свидетельствует нынешний конфликт в американской элите.

Послевоенное переустройство мира являлось результатом достигнутых договоренностей союзников. Страны-победители перекроили мировое пространство, в том числе и европейское, руководствуясь геополитическими приоритетами. Первоначально Сталин не пытался утвердить в контролируемых европейских странах Европы коммунистические режимы. Он был заинтересован в создании коалиции широких демократических сил, лояльных к СССР. Его позиция объяснялась желанием сохранить дружественные отношения с США, чтобы получить помощь в послевоенном восстановлении страны. Сталин, очевидно, ждал реального продвижения по этому вопросу на Потсдамской конференции в июле 1945 г., но как раз к этому времени в США произошли изменения, обусловившие фундаментальную трансформацию внешнеполитического курса страны.

Возможно, история послевоенных советско-американских отношений сложилась бы по-иному, если бы не смерть Рузвельта. Трумэн стал президентом по случаю, не будучи готовым к выполнению функций руководителя крупнейшего государства в столь ответственный период. Судя по всему, его и не рассматривали как серьезную политическую и государственную фигуру. Восхождение Трумэна на пост президента, как и значительная часть его карьеры, стала результатом закулисных внутрипартийных сделок. Ничем не примечательный сенатор от штата Миссури, Трумэн приглянулся партий-

ным боссам своей соглашательской политикой. Именно поэтому они считали, что он не станет возмутителем спокойствия. Рузвельт за те 82 дня, что Трумэн пробыл в должности вице-президента, с ним встретился всего два раза [10, с. 197]. Но самое, пожалуй, удивительное в этой истории то, что Трумэн не был посвящен в проект создания атомной бомбы. Первоначально и сам Трумэн осознавал, что произошла ошибка и он не годится в президенты.

Далекий от большой политики и ее нюансов, Трумэн нуждался в консультантах, ими стали госсекретарь Эдвар Стеттиниус, сенатор Джеймс Бирнс, посол Гарриман, занимавшие откровенно антисоветские позиции. Неискушенного в вопросах внешней политики Трумэна убедили в том, что СССР нарушает ялтинские договоренности, из чего следовало, что США не обязательно придерживаться достигнутых ранее соглашений. Кроме вышеназванных персон, не остались в стороне от формирования этой позиции и британцы, поскольку у Черчилля были острые разногласия с Рузвельтом по проблеме сохранения колониальной системы. В начале 1930-х гг. Британия оградила свой рынок преференциальными пошлинами, что было направлено в первую очередь против США. Поэтому одной из целей администрации Рузвельта стала ликвидация колониальных владений англичан с целью проникновения американских товаров на их рынок [13, с. 82].

В итоге невежество Трумэна трансформировалось в напускную смелость послать русских «ко всем чертям» [10, с. 197]. Его позиция во время последующих переговоров с В. М. Молотовым была откровенно вызывающей в стремлении показать «кто тут главный». По итогам встречи с Молотовым Трумэн хвастливо заявил, что задал тому трепку, «пробил «двойкой» в челюсть» [10, с. 198]. И хотя впоследствии Трумэн осознавал, что вел дела совершенно неправильно, отношения с СССР резко пошли по наклонной. Поэтому, очевидно, точкой бифуркации в советско-американских отношениях является смерть Рузвельта.

Еще одна причина резкого ухудшения советско-американских отношений – монополия США на ядерное оружие. Успешное испытание ядерной бомбы создавало иллюзию, что теперь с Советским государством можно разговаривать с позиции силы. В совокупности эти причины привели к резкой трансформации американской политики. США взяли курс на мировую гегемонию, игнорируя интересы других.

Наличие атомной бомбы развязывало американцам руки и в отношении войны с Японией. Как пишут О. Стоун и П. Кузик, «отныне США не нуждались в участии русских в этой войне, поскольку полагали, что после атомной бомбы Япония сдастся и Россия не получит кусок добычи» [10, с. 249].

При Рузвельте США направляли львиную долю своих ресурсов на войну в Европе. Будучи прагматиком, Рузвельт полагал, что после капитуляции Германии война на Тихом океане окончится без лишних для США жертв. Американская стратегия заключалась в том, чтобы заключить Японию в блокаду, бомбардировками с воздуха подорвать дух японцев и затем перейти непосредственно к вторжению. Уже к концу 1944 г. японский флот был практически уничтожен, поэтому поражение Японии в войне являлось во-

просом времени и условий капитуляции. Так что применять атомное оружие против мирного населения у американских военных не было никаких причин. Его применение – выбор приоритетов политической элиты США в условиях формирующегося поворота американской политики к конфронтации и давлению на СССР.

Стремление определенных кругов США переориентироваться в союзнических отношениях на достижение целей с позиции силы подпитывалось и общественными настроениями, которые удалось сформировать к окончанию Второй мировой войны. Применение атомного оружия против Японии одобряло 85 % американской общественности, а 23 % сожалели, что США ограничились только двумя бомбами.

Итогом политической трансформации стала речь Черчилля в начале марта 1946 г. в Фултоне. В президиуме, когда Черчилль оглашал новые приоритеты англосаксонской политики в отношении своего бывшего союзника, сидел Трумэн. В июле 1947 г. в США принимается закон о национальной безопасности, в соответствии с которым создается Национальная военная служба (позднее переименована в Министерство обороны), включающая армию ВМФ и ВВС, а также Комитет начальников штабов. На должность министра обороны Трумэн назначил яркого антисоветчика Джеймса Форрестала. Озвучивание выбранных англосаксонским миром приоритетов означало конец перспективам взаимопонимания и всяким компромиссам после войны.

Сталин высказался вполне определенно о своем отношении к провозглашенному курсу: Черчилль «стоит на позиции разжигателей войны», придерживается расовой теории, считая, что «только нации, говорящие на английском языке, являются полноценными нациями, призванными вершить судьбы всего мира» [9, с. 28]. После этого СССР стал действовать в Восточной Европе намного жестче.

Оценка Сталиным англосаксонской политики предельно актуальна и сегодня. Подобных заявлений от американских высших должностных лиц за послевоенное время мир слышал множество.

Откровенный переход на обслуживание интересов военного лобби означал разрыв с демократической республиканской традицией. Подобный курс можно было реализовать только в случае разгрома тех политических сил, которые стояли на этом пути, и при условии реформирования общественного сознания. Поэтому параллельно с провозглашенным внешнеполитическим курсом была реализована программа Трумэна по обеспечению безопасности и лояльности. Несколько сотен человек угодили в тюрьму, до 12 тыс. были уволены с работы. Почти 3 тыс. только портовых грузчиков были уволены по программе обеспечения безопасности портов. Разгрому подверглись левые силы, и прежде всего коммунистическая партия США [10, с. 332–333]. Но пик этой кампании, известной как «эпоха маккартизма», пришелся на первую половину 1950-х гг.

По сути, это был внутривнутриполитический переворот, порывающий с теми ценностями и целями, которые провозглашала американская конституция. Отныне американскую политику определяла та часть американской элиты, которая напрямую была связана с интересами военно-промышленного комплекса.

Развязанная война в Корее повлекла резкую милитаризацию американского общества. Далее Эйзенхауэр сделал возможность применения ядерного оружия основой военной стратегии США. В июне 1953 г. начался процесс передачи атомного оружия Министерству обороны. Одновременно США начинают размещать ядерное оружие за рубежом. Разработанный к весне 1954 г. план ведения войны против СССР предусматривал гибель 80 % населения, или 60 млн человек, в 118 крупнейших городах [10, с. 362–366].

Гонка вооружений подпитывалась убеждением правящей элиты в превосходстве США. Эта уверенность перерастала в самоуверенность, что никто и ничто не может сравниться с мощью США. Поэтому все предложения СССР, трезвые призывы в США, в том числе и отдельных представителей американской элиты, не находили отклика. Парадоксально, но те интриги, которые плелись с целью убедить общественность, что путь, на который стали США, является единственно правильным, удивительно напоминает нынешнюю ситуацию в отношениях между Россией и США.

После холодной войны, закончившейся поражением СССР, США вновь попадают в ситуацию, в которой они оказались по окончании Второй мировой войны. Что делать с огромным ВПК США, с колоссальным военным бюджетом и доходами военных промышленников? Пентагону принадлежит либо арендуется им 75 % федеральных зданий. Число военных баз за рубежом колеблется от 700 до 1000. Они размещены в 130 странах на всех континентах, кроме Антарктиды. На территории самих США 6 тыс. таких баз. Министерство обороны США остается крупнейшим землевладельцем на планете. Ему принадлежит более 545 700 объектов недвижимости, расположенных более чем в 5 400 точках на площади примерно 12 млн га [10, с. 712–713].

Запускаются новые Руководства по оборонному планированию, в которых устанавливается, что США не должны допускать противника, способного поставить под сомнение их мировую гегемонию; обозначены и страны-изгои (это уже в 1992 г.) – Северная Корея, Ирак, Россия. Американские эксперты предложили новые «стратегические идеи», суть которых сводилась к тому, что ключевые стратегические задачи США не решены, поскольку после окончания холодной войны не произошло демонтажа советского военного потенциала. Возрождается стратегия принуждения, когда принуждение понимается как наказание оппонента за нарушение статус-кво. При этом применение ядерного оружия становится частью принуждения оппонента к совершению определенных действий, которые он по своей воле не стал совершать [8, с. 222–223, 236]. Подспудно все возвращалось на прежние рельсы. Практически сразу после распада СССР начинается поиск нового врага, идет разгон технологии «борьбы с международным терроризмом». Борьба с терроризмом распространяется на любую страну, которая «может» поддерживать террористов. Все эти акции являлись такой же демонстрацией силы, что и сброс атомных бомб на Хиросиму и Нагасаки. Один из наиболее ярких представителей англосаксонской политики М. Тэтчер подтверждает, что опора на силу продолжает оставаться сутью полити-

ки атлантизма: «Внешняя политика и обеспечение безопасности — это прежде всего использование силы и могущества для достижения собственных целей в отношении с другими государствами. Пусть другие пробуют добиться желаемых результатов в международных делах, не опираясь на силу. Они обречены на неудачу» [11, с. 17].

На это не может не отреагировать набирающий силу Китай. На XVIII съезде КПК было заявлено, что нужно укреплять свои силы. Те, кто отстают, всегда становятся «мальчиками для битья» [6, с. 6].

Одновременно, как и в послевоенное время, в США начинается зачистка политического поля от возможных альтернативных политиков, а гражданские «права и свободы» ставятся под тотальный контроль. Конгресс принимает Закон о сплочении и укреплении Америки путем обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму. В итоге Агентство национальной безопасности наделяется полномочиями без ордера прослушивать телефоны и просматривать электронные письма граждан. Доступ к документам, гарантированный законом о свободе информации, был жестко ограничен, ранее доступные общественности документы либо засекречены, либо вовсе исчезли. Американскому правительству предоставляются новые полномочия: бессрочное содержание арестованных под стражей, ведение слежки без ордера, засекречивание доказательств, на основе которых осуществляется арест или выносится приговор, право ссылаться на государственную тайну в качестве оснований для прекращения судебных разбирательств в отношении правительства, судебный иммунитет для организаций, ведущих слежку за гражданами США, и др. [10, с. 665–666, 674, 740]. Таким образом, возможности общества воздействовать на власть окончательно нейтрализуются, а правительство откровенно превращается в лоббиста интересов ВПК и финансовых спекулянтов.

Новые тенденции во внешней политике Вашингтона, включая готовность к использованию силы в одностороннем порядке и возможность применения силы для упреждающих действий, закрепляются в Стратегии национальной безопасности США, принятой в сентябре 2002 г. [2, с. 87].

Идея стратегического партнерства, на которую наивно ориентировалось российское руководство после распада СССР до начала 2000-х гг., предусматривала нормативно-правовое сближение с Западом на европейской базе. Россия пыталась занять место на западной орбите, найти собственную нишу в западной системе. Это «стратегическое партнерство» с Россией заканчивается санкционной войной, а целью НАТО вновь провозглашается сдерживание Москвы [7, с. 76–77, 79, 83].

В связи с этим возникает риторический вопрос о качестве американской политической элиты и самого общества. Есть ли в США потенциал для сопротивления этому курсу и силам, которые его оформляют на протяжении 70 лет? Ведь его реализация — это прямая угроза и американскому обществу.

То, что пишут о своей элите О. Стоун и П. Кузник, оставляет на это мало надежды. Лишь немного примеров из их работы о лексиконе, которым пользуются представители американской элиты: «чертовы гомики», в отно-

шении Киссинджера – «жиденок и психопат», о Никсоне – «этот безумец», «дурная башка», «дело рук поганных жидов», «сукин сын». Трумэн представлен отъявленным расистом. Мексиканцев он называл «чумазыми», евреев – «жидами», негров – «черномазыми». Из характеристики Буша-старшего: «слабак... профан... первый муж любой женщины. Обычный конформист» [10, с. 486, 492, 494, 616].

Р. Рейгана авторы называют «малообразованным», его взгляды на внешнюю политику – «просто несусветными»: «приближенных Рейгана просто шокировало его невежество», «Рейган – самый необразованный президент...» и т. д. Когда президент Рейган вернулся из турне по Латинской Америке, то заявил репортерам: «Я столько всего узнал... Вы удивитесь, но Латинская Америка – это множество отдельных стран» [10, с. 566–567]. Все это перемежается описанием множества интриг во властной верхушке США.

При этом вполне отчетливо прослеживается, что американская элита просто одержима идеей навязывания своей воли всем и всюду. Политика разрядки – это небольшая тактическая уступка общественному мнению, связанная с неблагоприятным ходом войны в Индокитае. Силы тех, кто развязывал гонку вооружений, были многократно более мощными. Каждый новый президент оказывался в окружении «ястребов», и ему навязывался граничивший с психозом антикоммунизм, а также стремление продемонстрировать свою силу и твердость в отношениях с Советами. И, как правило, при каждом новом президенте выбирался плацдарм, где США демонстрировали свою твердость: Корея, Вьетнам, Эфиопия. Либо в более мягкой форме на почве соблюдения «прав человека» – в СССР и т. д. Зверства, творимые диктаторскими режимами в отношении своего населения, американская элита упорно не видела. С этой точки зрения ситуация, возникшая вокруг нового президента США Д. Трампа, не может вызывать какого-либо удивления.

В любом случае, военное лобби оказывалось сильнее, и все заканчивалось наращиванием военного бюджета и военного присутствия США в новых регионах мира. Тех же, кто был не согласен с подобной позицией, из администрации президента безжалостно зачищали. Стремление Д. Кеннеди поставить под контроль ЦРУ, отказаться от вмешательства в Индокитае, заключение договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах, прекращение космической гонки, идея окончания холодной войны стоили ему жизни.

Такое же отношение проявилось к лидерам других государств, которые осмелились выступить против политики США. Наиболее показателен здесь пример Чили. В XX в. судьбу чилийского лидера повторили руководители Ирака, Ливии, Югославии.

На примере Б. Обамы также видно, что благие цели приходящих президентов разбивались о волю сплоченной команды, представляющей интересы ВПК и финансово-спекулятивного капитала. Нынешний президент США Дональд Трамп, стремящийся по-новому определить тактические приоритеты США, утверждает самый крупный военный бюджет в истории США. Это иллюстрирует пределы современной демократии. Вступающие во власть президенты не могут сменить вектор политического развития США. С наро-

дом никто считаться не будет, а противостоять государственной машине, на стороне которой огромные ресурсы, связи, СМИ, никто не способен. Избравшись, американские президенты приходят в очень плотную, конкурентную, поляризованную, инертную среду, которая гасит большинство реформаторских попыток и фактически возвращает современных президентов в дорузвельтовские времена, когда президент был просто личностью, единицей перед лицом институтов, серьезно ограниченной в своих возможностях [3, с. 164–166].

Бюрократия стала самостоятельной властью в США, которая маневрирует между законодательной и исполнительной властью, а в системе бюрократии прочно обосновались силы, представляющие интересы ВПК и глобальных спекулянтов, поэтому судьба любого вновь избранного президента США очевидна: либо он проводит курс, который устраивает финансовых спекулянтов и ВПК, либо его убьют. В лучшем случае избранному президенту позволяют отойти в сторону и забавляться какими-либо второстепенными проектами. Могут наградить Нобелевской премией мира, как Обаму. Ее вручили главе государства, ведущему тогда две войны и защищающему американский милитаризм.

Есть ли у США возможность вырваться из этого тупика? Ведь все это сегодня происходит в США на фоне усиления разрыва между бедностью и богатством, тенденций к снижению удельного веса американского среднего класса. Смогут ли американцы присоединиться к всемирному движению протеста и потребовать социального мира?

Практика информационного общества свидетельствует, что способность правящей элиты осуществлять контроль над населением достигла фундаментальных глубин. США умело манипулируют информационным пространством, в основе которого контроль за интернетом. За всю историю интернет – самая быстро растущая сеть коммуникации. В начале 2008 г. она имела 1,4 млрд пользователей, в 2014 – 2,8 млрд, т. е. более трети населения Земли [5, с. 237]. По оценкам аналитиков, наиболее крупными интернет-компаниями являются Amazon, Apple, Facebook, Google, Baidu, Tencent. Четыре первые базируются в США [4, с. 43]. В настоящее время США могут обеспечить уровень информационного потока на определенную площадь в размере 54 мегабит в секунду. Россия уступает по этому показателю США более чем в 10 раз [12, с. 1]. В такой ситуации надежду на коренной перелом в американской внешней политике могут сохранять лишь отчаянные оптимисты, если учитывать реакцию американского общества на войны, которые США развязывают. Но и осуществление прежнего политического курса грозит США экономическим коллапсом, поэтому США будут стремиться перепроектировать существующую капиталистическую систему таким образом, чтобы и в перепроектируемой системе сохранить доминирующее положение и выйти из сложившегося положения с наименьшими издержками. Таким образом, мир ждут нелегкие времена, а демократия как способ организации власти еще раз демонстрирует свои пределы.

Список литературы

1. *Бэттлер А.* Мирология. Прогресс и сила в мировых отношениях. Т. 2: Борьба всех против всех. М. : ИТРК, 2015. 672 с.
2. Внешняя политика и международные связи Европейского Союза: осмысливая роль ЕС в мире / отв. ред. Л. О. Игумнова. Иркутск : Оттиск, 2018. 340 с.
3. *Журавлева В.* Первый год Дональда Трампа: новая модель президентства // Год планеты: экономика, политика, безопасность. М. : Идея-Пресс, 2017. С. 163–174.
4. *Зиновьева Е. С.* Воздействие интернет-индустрии на мировую политику // Вестн. МГИМО. 2013. № 1. С. 43–47.
5. *Зиновьева Е. С.* Россия в условиях информационной революции // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / под ред. А. В. Лукина. М. : Междунар. отношения, 2018. С. 236–254.
6. Китайская мечта и мир: XVIII Всекитайский съезд КПК / под ред. Хуан Хуагуана, Луань Цзяньчжана. Пекин : Изд-во лит. на иностр. яз. КНР, 2013. 427 с.
7. *Лукьянов Ф. Я.* Блеск и нищета альянса. Как атлантисты выиграли холодную войну // Новые международные отношения: основные тенденции и вызовы для России / под ред. А. В. Лукина. М. : Междунар. отношения, 2018. С. 69–92.
8. Мегатренды: основные траектории мирового порядка в XXI в. / под ред. Т. А. Шаклеиной, А. А. Байкова. 2-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2017. 448 с.
9. *Сталин И. В.* Интервью И. В. Сталина газете «Правда» о речи Черчилля в Фултоне (14 марта 1946 г.) // Сочинения. М. : Писатель, 1997. Т. 16. С. 25–30.
10. *Стоун О.* Нерассказанная история США : пер. с англ. / О. Стоун и П. Кузник. М. : Колибри, Азбука-Аттикеус, 2015. 928 с.
11. *Тэтчер М.* Искусство управления государством. Стратегия для изменяющегося мира : пер. с англ. 2-е изд. М. : Альпина Паблишер, 2005. 504 с.
12. *Угланов А.* Идет война гибридная священная война // Аргументы недели. 2016. № 24. С. 1–2.
13. *Фурсов А.* Россия на пороге нового мира. Холодный восточный ветер 2. М. : Кн. мир, 2016. 384 с.

The United States of America after the Second World War: Lost Opportunities or Democracy Boundaries?

A. V. Shalak

Baikal State University, Irkutsk

Abstract. The main reasons of the American policy change have been determined. They are the American elite response to the conversion, American marketing outlet limitation, monopoly in nuclear weapon possession, supporting military lobby, public conscience influenced by wartime. Roosevelt's death became a bifurcation point of these processes. From the author's point of view, American elite didn't shift away from the President Truman's policy during the post-war period. The USA is currently going to solve its internal challenges by redesigning capitalist system for the purpose of keeping dominant position and minimizing loss. The post-war evolution of the USA policy points to the rupture with the republican tradition and demonstrates the democracy boundaries on the way of breaking this historical deadlock.

Keywords: USA, conflict, political transformation, political elite.

For citation: Shalak A. V. The United States of America after the Second World War: Lost Opportunities or Democracy Boundaries? *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*, 2019, vol. 27, pp. 37–47. <https://doi.org/10.26516/2073-3380.2019.27.37> (in Russian)

References

1. Bettler A. *Mirologia. Progress i sila v mirovykh otosheniakh* [Mirology. Progress and strength in world relations.]. In 2 parts. Part 2. Moscow, Fight all against all, ITRK Publ., 2015, 672 p. (in Russian)
2. *Vneshniaia politika i mezhdunarodnye sviazi Evropeiskogo Soiuza: osmyslivaia rol' ES v mire* [Foreign policy and international relations of the European Union: understanding the role of the EU in the world]. Ex. ed. L.O. Igumnova. Irkutsk, Ottisk Publ., 2018, 340 p. (in Russian)
3. Zhuravleva V. *Pervyi god Donal'da Trampa: novaia model' prezidentstva* [The first year of Donald Trump: a new model of presidency]. [Planet year: economics, politics, security], Moscow, Idea-Press Publ., 2017, pp. 163-174. (in Russian)
4. Zinov'eva E.S. *Vozdeistvie internet-industrii na mirovuiu politiku* [The impact of the Internet industry on world politics]. [Herald MSIIR], 2013, vol. 1, pp. 43-47. (in Russian)
5. Zinov'eva E.S. *Rossia v usloviakh informatsionnoi revoliutsii* [Russia in the conditions of the information revolution]. Moscow, International relationships Publ., 2018, pp. 236-254. (in Russian)
6. *Kitaiskaia mehta i mir: XVIII Vsekitaiskii s'ezd KPK* [The Chinese Dream and the World: The XVIII All-Chinese CPC Congress]. Ed. by Kh. Khuaguan, Luan' Tszian'chzhan. Beijing, Foreign Literature Publ., 2013, 427 p. (in Russian)
7. Luk'ianov F.Ia. *Blesk i nishcheta al'iansa. Kak atlantisty vyigrali kholodnuiu voinu* [Glitter and misery of the alliance. How the atlantists won the cold war]. [New international relations: main trends and challenges for Russia]. Ed. by A.V. Lukin. Moscow, International relations Publ., 2018, pp. 104-109. (in Russian)
8. *Megatrendy: Osnovnye traektorii mirovogo poriadka v XXI v. 2-e izd.* [Megatrends: The main trajectories of the world order in the XXI century]. Eds. by T.A. Shakleinoi, A.A. Baikova. Moscow, Aspect Press Publ., 2017, 448 p. (in Russian)
9. Stalin I.V., Interv'iu I.V. *Stalina gazete "Pravda" o rechi Cherkhilia v Fultone (14 marta 1946 g.)* [Interview with Stalin's newspaper "True" about Churchill's speech in Fulton (March 14, 1946)]. Compositions, 1997, vol. 16, pp. 25–30. (in Russian)
10. Stoun O. *Nerasskazannaia istoriia SShA* [The untold history of the United States]. Moscow, Kolibri, Azbuka-Atticus, 2015, 928 p. (in Russian)
11. Tetcher M. *Iskusstvo upravleniia gosudarstvom. Strategiia dlia izmeniaiushchegosia mira* [Statecraft. A strategy for a changing world]. Moscow, Alpina Publisher, 2005, 504 p. (in Russian)
12. Uglanov A. *Idet voina gibridnaia sviashchennaia voina* [There is a war hybrid holy war]. Arguments of the week, 2016, vol. 24, pp. 1-2. (in Russian)
13. Fursov A. *Rossia na poroge novogo mira. Kholodnyi vostochnyi veter* [Russia on the threshold of a new world. Cold east wind]. Moscow, Book world Publ., 2016, 384 p. (in Russian)

Шалак Александр Васильевич
 доктор исторических наук, профессор,
 заведующий, кафедра истории
 и международных отношений
 Байкальский государственный университет
 Российская Федерация, 664003,
 г. Иркутск, ул. Ленина, 11
 тел.: 8(3952)500005
 e-mail: Shalakav@bgu.ru

Shalak Alexandr Vasilievich
 Doctor of Sciences (History), Professor,
 Head, Department of History
 and International Relatio
 Baikals State University
 11, Lenin st., Irkutsk, 664003,
 Russian Federation
 tel. 8(3952)500005
 e-mail: Shalakav@bgu.ru